

Псаломъ 72.

НАДПИСАНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ.

Псаломъ 72.

О семъ надписаніи сказано нѣчто во псалмѣ 49. Настоящій псаломъ содержитъ увѣщаніе къ немощнымъ вѣрнымъ, дабы не соблажнялися, видя нечестивыхъ въ мѣртъ семъ благоденствующихъ и процвѣтающихъ. Сіе увѣщаніе весьма полезно и нужно, наипаче когда праведные люди претерпѣваютъ гоненіе, а нечестивые пріятнымъ миромъ и спокойствіемъ наслаждаются.

ТОЛКОВАНИЕ.

Ст. 1) *Вѣль блгъ бгъ ѿлевлъ правымъ сердцемъ.*

Сіе отрывистое начало достойно замѣчанія. Оно показываетъ, что Пророкъ, прежде нежели произнесъ сіи слова, много боролся съ противными мыслями, и какъ храбрый подвижникъ, часто выходилъ на сраженіе, донелѣже, по многотрудныхъ и долговременныхъ подвигахъ, одержалъ совершенную побѣду, и доказалъ, что Богъ къ рабамъ Своимъ милостивъ, и спасенія ихъ вѣрный хранитель. Итакъ, въ словахъ сихъ подразумѣвается скрытная противоположность между превратными воображеніями, которыя влагалъ сатана въ мысли его, и между симъ свидѣтельствомъ благочестія, которымъ здѣсь подкрѣпляетъ себя, какъ бы проклиная плотскія чувства, вложившія ему сомнѣніе о Божіемъ промыслѣ. Отсюда видимъ, коль сильно сіе восклицаніе: *коль благъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ!* Ибо Давидъ не съ тѣмъ выходитъ на каѳедру, чтобъ состязаться по-философски, или витійственнымъ словомъ человѣческіе слухи услаждать, но такъ, какъ бы вышедъ изъ преисподнихъ, благодарнымъ сердцемъ исповѣдуетъ, какую одержалъ побѣду. А дабы примѣромъ своимъ и другихъ научить, чтобъ не ослабѣвали въ великомъ и важномъ подвигѣ семъ, сего ради показываетъ, что хотя Богъ, повидимому, и небрежетъ о рабахъ Своихъ, однако всегда любитъ ихъ, и промыслъ Свой наипаче распространяетъ на вѣрныхъ. Сія есть причина, чего ради Пророкъ нарицаетъ Бога *Богомъ Израилевымъ*, и тотчасъ имя Его относитъ къ людямъ, *имущимъ правое сердце*. Ибо, какъ многіе надменно гордились именемъ Израиля, такъ какъ бы были они самые избранные члены церкви, а въ самой вещи не что иное были, какъ Измаильтяне и Едомляне: сего ради Пророкъ, желая исключить сихъ изверговъ изъ числа благочестивыхъ сыновъ Авраамлихъ, никого не признаетъ истиннымъ Израильтяниномъ, кромѣ людей чистыхъ и непорочныхъ сердцемъ, или такихъ, которые чистымъ сердцемъ чтутъ Бога. Аки бы сказалъ: когда я проповѣдую, что Богъ есть благъ ко Израилю, то не такого Израильтянина разумѣю, который внѣшнимъ токмо довольствуясь исповѣданіемъ Бога, носитъ ложное Израиля имя, но разумѣю духовныхъ сыновъ Авраама, которые чистымъ сердцемъ прилѣплены къ Богу. Симъ пророческимъ словамъ соотвѣствуетъ и оное изреченіе Христова: *се воистинну Израильтянинъ, въ немже льсти нѣсть* (Іоан. 1, 47).

2) *Мои же вѣмѣ не подвижатѣся нозѣ: вѣмѣ не проліашиа стѣпы мои.*

3) *Иакъ возревновахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря.*

Сіи слова тѣмъ примѣчательны, что искушенія, о которыхъ глаголетъ здѣсь Пророкъ, не простымъ токмо приключаются людямъ, ниже такимъ, которые мало въ благочестіи успѣли, но суть общія всѣмъ, даже и такимъ, которые въ училищѣ Божіемъ паче другихъ преуспѣли. Такимъ образомъ, себя самого въ примѣръ представляя, хочетъ, дабы мы, сколько возможно, въ случаѣ искушеній были осторожны. Онъ самъ, хотя не совершенно палъ, однако чистосердечно признается, что весьма близокъ былъ къ паденію, и потому напоминаетъ, что и всѣмъ предедитъ паденія опасность, ежели не поддержитъ насъ крѣпкая Божія десница. За симъ показываетъ и причину искушенія, признаваясь, что онъ, судя о благополучіи нечестивыхъ по настоящему счастью ихъ, былъ завистію уязвленъ. *Возревновахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря*. То есть, позавидовалъ беззаконнымъ, когда увидѣлъ, что они наслаждаются благоденствіемъ и миромъ, котораго они не заслуживали.

другими словами такъ: *предаде я Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту* (Римл. 1, 24). И ниже: *предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія* (тамъ же 26). Въ Еврейскомъ текстѣ мѣсто сіе читается такъ: *изыде отъ тука око ихъ: преидоша помышленія сердца*. Здѣсь не о тѣлесномъ безобразіи глаголетъ Давидъ, но преносными словами изображаетъ гордость, каковою надмеваются нечестивые по причинѣ чрезмѣрнаго пресыщенія. Слѣдующія слова: *преидоша помышленія сердца* нѣкоторые относятъ къ высокоумію нечестивыхъ, которые, не довольствуясь пребывать внутри общихъ предѣловъ умѣренности, мыслями своими парятъ за облака и часто мечтаютъ, какъ бы овладѣть всѣмъ свѣтомъ, или еще соорудить новые міры: и какъ они ничѣмъ довольны не бываютъ, то необузданнымъ желаніемъ своимъ летаютъ на землѣ и по небу. Другіе толкуютъ такъ, что благополучіе нечестивыхъ часто превосходитъ и самое желаніе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ нѣкоторыхъ, по исторіи, получившихъ больше, нежели сколько они желали, такъ какъ бы счастье, спящимъ имъ, распростирало для удовольствія ихъ золотыя мрежи, — какъ живо изобразили нѣкоторые Димитрія царя Полиорцета, одного изъ преемниковъ Александра, который толико завоевалъ градовъ, что и во снѣ представить не могъ, хотя впрочемъ былъ государь слабый и невеликаго ума. Тако Богъ иногда, сверхъ желаній и помышленій человѣческихъ, обременяетъ и недостойныхъ людей избыткомъ всѣхъ благъ.

8) Помыслиша ѿ глыблши въ ѿкъвѣствѣ, непрѣдѣ въ вышотѣ глыблши:

9) Положиша на небеси ѿрта своѣ, ѿ ѿзыкѣ ихъ преиде по земли.

Стихъ сей въ Еврейскомъ текстѣ читается такъ: *помышляютъ и глаголютъ во злость о угнетеніи иныхъ: отъ высоты сердца своего глаголютъ*. То есть: нечестивые люди, забывъ себя самихъ и весь стыдъ ногами поправъ, злодѣйства своего не скрываютъ, но явно хвалятся грабежами и хищеніемъ. Сіе прилично разбойникамъ, но и тѣ отъ страха законовъ укрываются. Сіи же исполины, или паче гиганты и циклопы, о которыхъ говоритъ Пророкъ, не токмо презираютъ законы, но и забывъ собственную немощь, неистово устремляются на ближнихъ, такъ какъ бы не знали различія между добромъ и зломъ. Слѣдующія слова: *отъ высоты сердца своего глаголютъ* — означаютъ то же, что языкомъ своимъ изbleвываютъ хулы на всѣхъ. И какъ гордые люди всѣхъ презираютъ, то и худо отзываются о всѣхъ. Сего ради Давидъ представляетъ ихъ съ высоты глаголющими: понеже съ низкими людьми никакого сообщества имѣть не хотятъ. Въ слѣдующемъ стихѣ: *положита на небеси уста своя, и языкъ ихъ преиде по земли*, — показываютъ, что нечестивые не токмо на людей, но и на Самого Бога хулы свои изbleвываютъ; ибо для нихъ нѣтъ ничего священнаго, но и небо и землю власти своей покоряютъ. Ежели бы кто противоположилъ имъ всемогущество Бога, то и оному смѣло противостоятъ готовы, а съ стороны людей никакого затрудненія быть не чаютъ. Такимъ образомъ, злорѣчивый языкъ никакимъ препонамъ не уступаетъ, но свободно преходя всю землю, касается небесъ. А хотя изреченіе сіе, по видимому, есть иперболическое, однако ежели разсудимъ, коль необузданно высокоуміе нечестивыхъ, то признаемся, что Пророкъ глаголетъ правду, на опытѣ основанную.

10) *Сегѡ рѣдн ѿбрачѣтъя людѣ мои сѣмѡ, ѿ днѣ исполнени ѿбрачѣтъя въ нѣхъ* (въ Евр. ѿ ѿки чѣша, исполненная воды, пролѣется имъ).

Сей стихъ зависитъ отъ предыдущаго, и содержитъ смыслъ такой, что многіе изъ числа Божія народа, будучи увлечены искушеніемъ, претерпѣли бѣдственное кораблекрушеніе, то есть, погибли въ волнахъ невѣрія. Ибо, какъ кажется, не о избранныхъ глаголетъ здѣсь, но токмо замѣчаетъ притворныхъ Израильтянъ, которые однимъ токмо именемъ занимали мѣсто въ церкви. Сихъ нарицаетъ погибшими, яко такихъ, которые, прельстясь наружнымъ блескомъ нечестивыхъ, отпали отъ Бога и отъ благочестія. Но можно слова сіи отнести и къ самымъ избраннымъ, изъ коихъ многихъ такъ сильно колеблетъ искушеніе сіе, что они обращаются сѣмо и овамо, не потому однако, аки бы предавались грѣхамъ или нечестію, но потому, что яко чловѣки подвержены немощамъ. Слѣдующія за симъ слова: *аки чаша, исполненная воды, пролѣется имъ* — означаютъ, что вѣрные сѣтуютъ и печалятся, когда не видятъ никакого отъ благочестія плода. Ибо чаша, исполненная воды и проливаемая, положена здѣсь въ преносномъ смыслѣ, вмѣсто чрезмѣрной печали. Послѣдуя переводу 70 толковниковъ, нѣкоторые мѣсто сіе толкуютъ такъ, что людѣ Божіи,

то есть, люди вѣрные и боящіеся Бога, обращая вниманіе на нечестивыхъ, находятъ, что они подлинно благополучны; понеже при всѣхъ грѣхахъ своихъ весьма долго живутъ и, будучи исполнены дней, достигаютъ глубокой старости.

11) И рѣша (въ Евр. и глаголетъ): какъ оубѣдѣ бѣзъ; и ѿце ѣсть разумъ къ вышнѣмъ (въ Евр. какъ сіе вѣстѣ бѣзъ; илн ѣсть извѣстно вышнемъ);

Нѣкоторые толковники слова сіи относятъ къ нечестивымъ, и къ ихъ хульнымъ глаголамъ, коими они поощряютъ себя ко грѣхамъ: но сіе не основательно. Ибо Давидъ изъясняетъ здѣсь то же, что въ предыдущемъ стихѣ сказалъ, то есть, что и самые вѣрные смущаются мыслями, когда глѣнное людей нечестивыхъ счастье поражаетъ ихъ очи: понеже состязуются, есть ли въ Богѣ разумъ или свѣдѣніе? Не потому однакожь, аки бы въ самомъ дѣлѣ питали въ себѣ таковыя хульныя мысли, какъ сказали мы выше, но что не могутъ вдругъ себя преодолѣть, видя Бога какъ бы небрегающаго о должности Своей. Извѣстна оная жалоба Іереміи глаголющаго: *праведенъ еси Господи! обаче возглаголютъ Тебѣ: что яко путь нечестивыхъ сплетъся? угобзишася вси творящии беззаконія* (Іерем. 12, 1). Отсюда явствуетъ, что и самыхъ благочестивыхъ людей умы колеблются недоумѣніемъ о промыслѣ, однакоже не совсѣмъ падаютъ. Ибо Іеремія напередъ глаголетъ: *праведенъ еси Господи!* узду симъ образомъ себѣ налагая. Итакъ, разумъ мѣста сего есть тотъ, что не одни токмо нечестивые люди, видя въ мірѣ различныя превраты, даютъ мѣсто слѣпому счастью, но и самые вѣрные такъ колеблются, что недоумѣваютъ о промыслѣ Бога: но сильною десницею Его удерживаются, дабы въ безднѣ сей не совсѣмъ погрязли.

12) Сѣ, сн грѣшницы, и гобзѣющн къ вѣкѣ, оудержаша боглѣтво (въ Евр. Сѣ, сн нечестннн, и чншннн имѣа вѣка, оумножнннн боглѣтва).

13) И рѣхъ: ѣдл вѣде оуправднхъ сердце мое (въ Евр. вѣде оубк къ чнстотѣ хрнннхъ сердце мое), и оумнхъ къ неповннннхъ рѣцѣ мои;

14) И вѣхъ ѣзвенъ вѣсь день, и ѡблнчнне мое на оутреннхъ (въ Евр. занѣ бнннхъ бывлю вѣсь день, и терплн наказнне на вснко оутро).

Пророкъ живо изображаетъ здѣсь, какова была та ревность, которая духъ его толико поколебала, и потому какъ бы перстомъ указывая, глаголетъ: се сіи нечестивые люди, хотя суть грѣшницы, однако спокойно живутъ, блаженствуя на землѣ, и притомъ не на краткое время, но чрезъ все теченіе своей жизни. Но сіе праведно ли предъ Богомъ, чтобъ Онъ толико милостивъ и щедръ былъ къ людямъ, коихъ нечестіе и беззаконная жизнь извѣстна всѣмъ? — Такимъ образомъ Давидъ, взирая на нечестивыхъ и видя, что Богъ толико благоволитъ о нихъ, входитъ въ себя самого, испытываетъ свою совѣсть и, находя оную неззорну, разсуждаетъ самъ съ собою: есть ли какая польза отъ благочестія, за которое онъ только бѣдственно страдаетъ? *Убо, глаголетъ, не всуе ли оправдихъ сердце мое, и умыхъ въ неповнннхъ рѣцѣ мои? Зане бнннхъ бываю весь день, и терплю наказнне на всяко утро.* То есть: не тщетно ли старался я имѣть правое сердце и чистые руки, между тѣмъ какъ изнуряютъ меня всегдашнія скорби, и какъ бы на стражѣ стоятъ, чтобъ мучить меня отъ утра до вечера? Сіе условіе показываетъ, что нѣтъ у Бога никакой за невинность награды, понеже съ вѣрными Своими не такъ милостиво поступаетъ, какъ съ невѣрными. А какъ истинная невинность состоитъ изъ двухъ частей, то есть, изъ чистоты сердца и изъ внѣшней правоты дѣлъ, то Давидъ обѣ части себѣ присволяетъ. Почему и мы, примѣру его послѣдуя, должны соединять сіи двѣ части, и первѣе начинать отъ чистоты сердца, а потомъ отъ правоты дѣлъ, первую свидѣтельствуя предъ Богомъ, а вторую предъ людьми.

15) Иѿце глаголахъ, повѣмъ такъ: сѣ, родѣ сынѡвѣ твоихъ, ѣмѣже ѡбѣщнхъа (въ Евр. сѣ, родѣ сынѡвѣ твоихъ прѣстѣпннхъ).

Понеже Давидъ усмотрѣлъ, что тѣ помышленія, коими онъ искушаемъ былъ, зѣло суть превратны: сего ради узду себѣ налагаетъ и, сожалѣя о легкомысліи своемъ, глаголетъ: *иѿце глаголахъ, повѣмъ тако: се роду сынѡвѣ Твоихъ прѣстѣпннхъ.* Аки бы сказалъ: Господи, прости мнѣ, ежели я такъ мыслить и глаголахъ, какъ мыслятъ и глаголютъ нечестивые, не признающіе

промысла Твоего. Я признаю, что преступилъ предъ Тобою, и предъ родомъ сыновъ Твоихъ, каковы были Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ, Моисей и премногіе другіе, которые всѣ вѣровали и исповѣдывали, что Ты имѣешь промыслъ о дѣлахъ человѣческихъ и по праведнымъ судьбамъ Твоимъ какъ грѣшниковъ милуешь, такъ и праведныхъ наказываешь. Употребляя указательную частицу — *се*, противопоставляетъ оную вышереченнымъ словамъ: *се сіи грѣшници*.

16) *И непщевѣхъ разумѣти* (въ Евр. *Помыслихъ оубо оуразумѣти*): *иѣ трѣдѣхъ ѣсть предо мною* (въ Евр. *но се трѣдѣхъ предъ очима моима*).

17) *Дондеже вниду во святило бжје: и разумѣю въ послѣднѣхъ ихъ*.

Хотя Давидъ въ предыдущемъ стихѣ и осудилъ себя за преступленіе предъ Богомъ и предъ сынами Его, однако здѣсь чистосердечно признается, что не совершенно вышелъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя духъ его развлекали, донелѣже вшелъ во святилище Божіе. Ибо слова его показываютъ, что хотя онъ мысль свою обращалъ повсюду, однако разсудкомъ своимъ не могъ дойти до того, какимъ образомъ Богъ между толикими замѣшательствами управляетъ міромъ. А говоря такъ самъ о себѣ, даетъ знать, далеко ли доходятъ люди, когда слѣдуютъ руководству собственныхъ своихъ чувствъ. Они ослабѣваютъ отъ труда и ничего извѣстнаго и твердаго не обрѣтаютъ. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что Давидъ, упоминая о святилищѣ Божіемъ, противопоставляетъ оное мудрованію плоти. Отсюда слѣдуетъ, что какъ бы люди ни мудрствовали, все однако тщетно, суетно; одно токмо ученіе, почерпаемое изъ Божія слова, служитъ имъ вмѣсто всякія мудрости. Почему и Пророкъ, коль ни смиренномудро и коль ни тщательно входилъ въ благочестивое изслѣдованіе судьбъ Божіихъ, однако принужденъ былъ признаться, что онъ все трудился: *помыслихъ, глаголетъ уразумѣти, но се трудъ предъ очима моима*. Итакъ, ежели кто естественнымъ умствованіемъ проникать въ судьбы Божіи восхоцетъ, тотъ безъ всякаго успѣха трудъ употребить. Здѣсь потребенъ высочайшій познанія степень, потребенъ умъ, возносящійся превыше земли. Слѣдовательно, подъ именемъ *святилища Божія* само по себѣ разумѣется здѣсь вышенебесное ученіе Божіе. Ибо какъ законъ, изъ котораго надлежало почерпать истинное просвѣщеніе, положенъ былъ во святилищѣ: сего ради Пророкъ благоразумно употребилъ оныя слова: *дондеже вниду во святило Божіе*, вмѣсто сихъ: *дондеже вниду во училище Божіе*. Аки бы сказалъ: донелѣже Богъ не будетъ мнѣ Учителемъ, и донелѣже я изъ слова Его не научуся тому, чего мысль моя не понимаетъ въ разсужденіи правленія міра, — дотолѣ въ недоумѣніи пребуду. Отсюда видимъ, что люди дотолѣ не будутъ способны къ разсматриванію порядка промысла Божія, доколѣ съ покорностію не пріимутъ того, чему Богъ какъ словомъ Своимъ, такъ и Духомъ научаетъ. Ибо хотя Пророкъ слово: *святилища* — приспособляетъ къ тому внѣшнему образу ученія, по которому Израильскій народъ наставляемъ былъ, однако и таинственное Духа Святаго просвѣщеніе купно съ словомъ Его разумѣетъ здѣсь. Подъ именемъ *послѣднихъ* не кончину жизни разумѣетъ, которая всѣмъ извѣстна (ибо кака была нужда входить для сего во святилище Божіе?); но конецъ, относящійся къ Божіимъ судьбамъ, проявляемымъ въ разсужденіи людей нечестивыхъ, какъ увидимъ изъ слѣдующихъ:

18) *Облче за лицѣніа ихъ положиа єи ѿмъ слаа* (въ Евр. *Поистиннѣ на мѣстѣхъ* *поползновѣнныхъ постѣвнѣхъ єи ѿ*): *низложилъ єи ѿ, внигда разгорѣшмѣа* (въ Евр. *низвѣглъ єи ѿхъ въ запѣтѣніе*).

Давидъ, преодолевъ вышереченное искушеніе, становится какъ бы новымъ человѣкомъ, и уже спокойно глаголетъ, — какъ бы стоя на высокой стражницѣ, якоже и Пророкъ Аввакумъ въ подобныхъ обстоятельствахъ такое же употребляетъ средство, научая насъ примѣромъ своимъ и глаголя: *на стражи моей стану, и възиду на камени* (Аввак. 2, 1). Тако и Давидъ показываетъ, коль полезно человѣку приближаться къ Богу. Вижу, глаголетъ, Господи, что Ты творишь; пусть нечестивые возвышаются, но они стоятъ на скользкомъ пути, и скоро упадаютъ, — они для того только и возвышаются, чтобъ претерпѣть тяжчайшее паденіе. Сіе обстоятельство хотя общее есть всѣмъ, какъ благимъ, такъ и злымъ (понеже весь міръ во злѣ лежитъ); но какъ вѣрные зависятъ отъ Бога и основаны на Немъ яко на камени, то нельзя сказать, чтобъ они стояли на скользкомъ пути. А хотя иногда и колеблются и даже падаютъ, но Господь, подлагая руку Свою, колеблющихся

подрѣпляеть, а падающихъ возставляетъ. Что касается до нечестивыхъ, то они сперва претерпѣвають поползновеніе, а потомъ и совершенное паденіе; поползновеніе ихъ бываетъ оттого, что они на силѣ своей, аки на льду утверждаютъ ноги, а безумнымъ превозношеніемъ располагають себя къ совершенному паденію. Здѣсь не должно мечтать намъ о превратности непостояннаго счастья, которое, безразсудно коловращаяся, смѣшиваетъ все: но проникать въ Божіе намѣреніе, о которомъ упомянулъ Пророкъ и которое всѣмъ благочестивымъ во святилищѣ Божіемъ открывается, что нечестивые сокровеннымъ Божіимъ промысломъ низлагаются.

19) *Кѣкѡ бѣша въ запустѣніе; внезапѣ исчезоша, погнѡбоша за беззаконіе своѣ (въ Евр. погнѡбоша ѡ гтрѣха).*

Сей вопросъ, соединенный съ удивленіемъ, много способствуетъ къ подтвержденію предыдущаго изреченія. Якоже бо благополучіе нечестивыхъ часто приводитъ людей въ недоумѣніе, а иногда и во изумленіе; тако внезапная погибель ихъ возбуждаетъ насъ отъ усыпленія и заставляетъ удивляться чуднымъ судьбамъ Божіимъ. Сего ради Пророкъ аки о вещи невѣроятной вопрошаетъ, глаголя: *како быша въ запустѣніе?* Аки бы сказалъ: какимъ образомъ статья могло, что тѣ, которыя казались горами неприступными, вдругъ сдѣлались на подобіе града опустошеннаго, гдѣ кромѣ развалинъ ничего не видно? како внезапно исчезли тѣ, которые казались вѣчно имѣющими жить на землѣ? Предложивъ такой вопросъ, Пророкъ припоминаеть, что Богъ ежедневно такія чудеса производитъ, дабы имѣли мы справедливую причину удивляться имъ, ежели очей вѣры не имѣемъ. Но ежели бы вѣрою издалече провидѣли судьбы Его, то ничего не было бы для насъ новаго, невѣроятнаго и удивительнаго; ибо удивленіе отъ незнанія рождается. Слѣдующія слова: *погибоша отъ страха* — такой имѣють разумъ, что Богъ поражаетъ нечестивыхъ не обыкновенными способами, но такими, которые новостію своею страхъ наводятъ: или, ежели рукою не убиваетъ, то единымъ дуновеніемъ враговъ своихъ умерщвляя, въ ничто обращаетъ, между тѣмъ, какъ они всѣ опасности надменно презирають, такъ какъ бы были изъяты отъ пораженія стрѣлъ, и какъ бы завѣтъ утвердили съ смертію, какъ и въ псалмѣ 11 видѣли мы ихъ надменно глаголющихъ: *кто намъ Господь есть?*

20) *Кѣкѡ соніе когтаѡцагѡ, гдѣн, во градѣ твоѡмъ ѡбразъ ѡнничиши.*

Пророкъ употребляетъ здѣсь прекрасное подобіе, сравнивая благополучіе нечестивыхъ съ сновидѣніемъ. Известно, что сновидѣніе не есть вещь истинная, но мечтательная. Кто во снѣ видитъ себя богатымъ, тотъ пробудившись усматриваетъ, что онъ прельщенъ пустымъ привидѣніемъ. Тако нечестивые, изобилующіе богатствомъ въ вѣкѣ семъ, хотя мнятся быть благополучны: но когда преидеть ночь вѣка сего, тогда познають, что они поистиннѣ были неблагополучны. И тогда-то *образъ ихъ*, то есть мечтательное ихъ благополучіе, *въ ничто обратится*. Ибо во градѣ Божіемъ, гдѣ пребываетъ истинное и вѣчное блаженство, и не будетъ имѣть мѣста сіе мнимое и мгновенное благополучіе, которое состоитъ въ златѣ, въ сребрѣ, въ рабахъ, въ коняхъ, въ домахъ, въ садахъ, въ честяхъ, въ достоинствахъ, въ пирахъ и роскошахъ; вся сія тогда погибнуть, и стяжателей своихъ несчастливѣйшими содѣлають. Сего ради весьма прилично увѣщаетъ апостоль Павелъ, глаголя: *да имущіи благая міра сего будутъ яко неимущіи, и плачущіеся яко не плачущіи, и радующіися яко не радующеся, и купующіи яко не содержаще* (1 Кор. 7, 29 и 30). Прилично и блаженный Августинъ говоритъ, что Богъ во градѣ Своемъ небесномъ уничижитъ образъ людей нечестивыхъ: чего ради? Понеже и они во градѣ своемъ земномъ образъ Божій уничижили.

21) *Кѣкѡ разжигѡа сердце мое, и ѡгтрѡбы моѡ измѣниши мѡ (въ Евр. и въ чрѣмѣхъ моѡхъ ѡни ѡгтрѡмъ водѡа).*

22) *И ѡзъ ѡнничиенъ (въ Евр. И ѡзъ не смѣленъ бѣхъ), и не разѡмѣхъ, ѡкотенъ бѣхъ ѡ тебѣ (въ Евр. ѡкоже ѡкотъ бѣхъ ѡ тебѣ).*

Пророкъ паки повторяеть здѣсь признаніе свое, которое видѣли мы выше, показывая, что онъ чувствуя въ сердцѣ своемъ подстреканіе ревности, безразсудно состязался съ Богомъ. Рвеніе ревности своя сравниваетъ съ огнемъ, который разжигалъ его сердце, и аки острымъ жаломъ

уязвлялъ утробу. Откуда въ Давидѣ возродилось сіе толь острое рвеніе противъ нечестивыхъ, о томъ сказали мы выше. Люди нечестивые, отвергающіе Божій промыслъ, не много заботятся о томъ, Богомъ ли управляется міръ, или слѣпымъ случаемъ; они только смѣются игрѣ фортуны: но вѣрные, чѣмъ больше удостовѣрены въ томъ, что Богъ есть Правитель и Судія міра, тѣмъ сильнѣе воспаляются, когда Онъ не соотвѣтствуетъ желаніямъ ихъ. Давидъ, строго за сіе наказывая себя, какъ и надлежало, во первыхъ нарицаетъ себя безумнымъ; потомъ обвиняетъ свое невѣжество; наконецъ говоритъ, что онъ скоту подобенъ. Такимъ образомъ вкратцѣ показываетъ, что ревность она, о которой здѣсь упоминаетъ, произошла отъ заблужденія; а причина заблужденія въ немъ самомъ находится, понеже, не внимая гласу разума, сдѣлался несмысленъ даже до скотскаго неразумія. Ибо какъ люди никогда не могутъ совершенно проникнуть въ Божіи дѣла, поелику въ разсматриваніи ихъ изнемогаетъ всякое понятіе; то Давидъ не стыдится признавать немощи своей, исповѣдуя, что онъ въ сравненіи съ Богомъ, не что иное есть, какъ скоть. Итакъ слово: *у Тебе* — берется здѣсь въ сравнительномъ смыслѣ, аки бы сказалъ: Господи, хотя и мнилъ я имѣть нѣкоторое преимущество предъ безсловесными животными по разуму, но въ разсужденіи Тебя и премудрости Твоя я не что иное есмь, какъ скоть.

23) *И ѡзъ вѣнѣ еѡ тобою* (въ Евр. *וְכִי אֶזְבֵּן לְךָ אֶתְּעַרְבִי מִן־הַבְּהֵמָה*), *удержалъ еси десницу мою*.

24) *И совѣтомъ твоимъ наставлялъ мя еси, и со слѣвою пріѡбрѣлъ мя еси*.

Давидъ благодаритъ здѣсь Бога, что Онъ всеильною Своею рукою удержалъ его отъ паденія. Ибо чрезъ удержаніе десницы означаетъ, что онъ не самъ собою, но чудною Божіею силою извлеченъ былъ изъ глубокой оной бездны, въ которую низвергаются люди отверженные. Отсюда видимъ, коль драгоцѣнно Богу спасеніе наше, когда такъ прилежно смотритъ за нами, что и къ удаляющимся отъ Него простираетъ руку, дабы извлечь изъ погибели. Должно замѣтить сіи преносныя слова: *удержалъ еси руку десную мою*, когда нѣтъ и самаго малѣйшаго искушенія, которое бы не сильно было низложить насъ, ежели бы не были мы подкрѣпляемы десницею Бога. Оныя слова: *азъ выну съ Тобою* — двоякимъ образомъ разумѣть можно. Люди бывають съ Богомъ или чувственно, или мысленно: чувственно, когда удаляющихся насъ отъ Него, и повсюду скитающихся, уздою востягиваетъ, и по стремнинамъ бѣгать не попускаетъ; мысленно, когда удостовѣрены бываемъ, что Богъ смотритъ за нами, и рукою Своею управляетъ, а силою поддерживаетъ. Слѣдующими словами, *и совѣтомъ твоимъ наставлялъ мя еси*, и великость милости Божіей показываетъ, и благодарность свою купно изъявляетъ, аки бы сказалъ: благодарю Тя Господи, что Ты спасительный совѣтъ вложилъ въ мысли мои, которымъ предохранилъ меня отъ выше-реченнаго искушенія, и яко милосердый Отецъ заблуждшаго сына на правый путь наставлялъ, да пребываю въ Твоемъ послушаніи. Къ совѣту присовокупляетъ славу, которая здѣсь не къ вѣчной жизни относится, но означаетъ теченіе благополучія нашего отъ начала до конца, котораго ожидаемъ на небеси, чего и намъ и себѣ желаетъ царствующій Пророкъ: однако не исключаетъ и временныхъ благъ, которыми рабовъ Своихъ благословляетъ Богъ на землѣ, дабы еще здѣсь предвкусили нѣкоторую часть онаго блаженства.

25) *Что бо мнѣ сѣчь на небесѣ; и ѡ чекѣ* (въ Евр. *מַה לִּי חֶבֶץ בַּשָּׁמַיִם וְעֵקֶב עַל־הָאָרֶץ*) *что хочеть на земли;*

Здѣсь яснѣе показываетъ Пророкъ, колико успѣлъ онъ, будучи во святилищѣ Божіемъ. Довольствуясь единымъ Богомъ, отвергаетъ все сущее на землѣ, кромѣ Его. Аки бы сказалъ: есть ли что толь прекрасное, и толь драгоцѣнное, чего бы могъ я пожелать на небеси кромѣ Тебя? И паки, есть ли какая вещь толь прекрасная и толь драгоцѣнная, которья бы пожелалъ я на землѣ кромѣ Тебя? Нѣтъ, я ничего такого не обрѣтаю ни на землѣ, ни на небеси, что бы могло удовольствовать меня, и совершенно успокоить сердце мое, кромѣ Тебя единого. Ежели Ты токмо милостивъ ко мнѣ, то я презираю всѣ прочія твари, сущія на небеси и на земли. Твое милосердіе и Твоя благодать составляютъ все мое богатство, вся благая, и всѣ роды удовольствій. Впрочемъ когда говоритъ Пророкъ, что онъ ничего не ищетъ на небеси и на земли, кромѣ единого Бога, тѣмъ самымъ отвергаетъ не токмо всѣхъ ложныхъ боговъ, коими въ его времена наполнена была земля и небо, по общему заблужденію міра, но и всѣ ложныя мечты, коими весь почти міръ себя ослѣпляетъ. Ибо

хотя въ нынѣшнія времена не уловляются люди прежнею оною сатанинскою прелестію, и не дѣлають себѣ ложныхъ боговъ, но или гордостію надмеваются, когда надѣяся на свои силы и мнимую мудрость, присвояють себѣ то, что свойственно единому Богу; или питаются ложными надеждами, уповають на благопріятство людей, или на свое богатство, и на другія пособія міра. Итакъ сей есть единственный способъ къ снисканію Бога, когда мы не скитаемся по разнымъ косвеннымъ путямъ; но оставя нечестіе и гордость, сихъ мерзкихъ кумировъ, къ единому Богу прямо прибѣгаемъ.

26) *יִצְחָקֵי לֵבָדָעַ מוֹעַם וְיִצְחָקֵי לֵבָדָעַ מוֹעַם, וְיִצְחָקֵי לֵבָדָעַ מוֹעַם, וְיִצְחָקֵי לֵבָדָעַ מוֹעַם* (въ Евр. *крѣпость сердца моего, и часть моя, бже, во вѣкъ*).

Нѣкоторые первую часть стиха толкуютъ такъ, что Давидъ отъ сильной любви къ Богу изнемогъ сердцемъ и плотію, такимъ образомъ заключаютъ, колико прилѣпленъ былъ онъ къ Богу, но слѣдующія во второй части слова: *Богъ крѣпость сердца моего* — требуютъ инаго разума. Здѣсь подразумѣвается противоположеніе между немощію, которую ощущалъ въ себѣ Давидъ, и между крѣпостію, которая дана была ему свыше, аки бы сказалъ: когда разлученъ бываю отъ Бога, тогда ничего не могу, и вся моя сила въ ничто обращается; но приходя къ Нему, паки обрѣтаю въ себѣ полную крѣпость. Сіе весьма нужно замѣтить и помыслить, что мы ничего не можемъ сдѣлать безъ Бога, и что никто не можетъ совершенно возложиться на Него, развѣ тотъ, кто чувствуя немощь свою, не надѣется на свои силы. Такимъ образомъ прилично присовокупляетъ Пророкъ: *часть моя Боже во вѣкъ*. Симъ подобіемъ взятымъ изъ Священнаго Писанія, такую часть означаетъ, которую всякъ бываетъ доволенъ. Оно относится къ Богу: слѣдовательно мы должны знать, что Онъ единъ для насъ довлѣть, и что въ Немъ единомъ состоитъ совершенное наше блаженство. Откуда заключить слѣдуетъ, коль мы неблагоприятны и несчастны, когда и духомъ и тѣломъ удаляемся отъ Бога.

27) *יִיָּקֹוּ לֵעַ, וְיִדְלָלְיִוּצִין לֵעַבֵּי וְיִתְּבֵעַ לֵפִיגְנִיָּז: פִּתְרֵבְנִילֵז לֵעִין* (въ Евр. *потребнши) вѣлаго любодѣющаго*).

Пророкъ отъ противныхъ обстоятельствъ доказываетъ, что нѣтъ ничего лучше, какъ прилѣпиться къ Богу, и въ Немъ единомъ спокойно опочивать. Ибо какъ скоро кто удалится отъ Него, тотъ вѣчно погибнетъ. Удаляются же отъ Бога всѣ тѣ, которые сердце свое раздѣляютъ съ другими. Сіе означаетъ глаголь *прелюбодѣнія*: ибо раздѣлять сердце съ другими, и не утверждаться въ единомъ Богѣ, есть самый гнуснѣйшій родъ прелюбодѣйства. Для избѣжанія сего потребна чистота мысли, которая состоитъ въ вѣрѣ, въ призваніи Бога, въ непорочности сердца, и въ покореніи Божию слову. Кто сихъ добродѣтелей не имѣетъ, и кто всѣмъ сердцемъ и всею душею не прилѣпляется къ Богу, тотъ подобенъ женѣ прелюбодѣйкѣ, которая, оставя своего мужа, творитъ грѣхъ съ чужими. Такимъ образомъ Давидъ всѣхъ богоотступниковъ нарицаетъ прелюбодѣями. Они погибають не токмо потому, что лишаются чрезъ сіе Божіей благодати, которая даетъ жизнь душѣ, но и потому, что Богъ есть ревнитель, и души наши Себѣ уневѣстилъ: а потому наказываетъ вѣчною смертію всѣхъ тѣхъ, кои прелюбодѣйствуютъ отъ толь благаго и купно сильнаго жениха.

28) *מִינֶכָּהֶם לֵעַ פִּתְרֵבְנִילֵז לֵעִין בְּלֵגוֹ לֵעִין, פִּתְרֵבְנִילֵז לֵעִין בְּלֵגוֹ לֵעִין, פִּתְרֵבְנִילֵז לֵעִין* (въ Евр. *возвѣстити мнѣ вѣ хвалѣ твоеѣ, во вратѣхъ дщере сіонн*).

Сими словами заключаетъ псаломъ, какъ бы такъ говоря: пусть иные разсуждаютъ, что для нихъ добро и полезно; но для меня нѣтъ лучше, полезнѣе и пріятнѣе, какъ прилѣпиться къ Богу. А понеже чувственнымъ объятіемъ прилѣпиться къ Нему въ жизни сей не можно, то я, по крайней мѣрѣ, почитаю за благо *полагать на Господа упованіе мое*, и притомъ упражняться въ хваленіи и прославленіи имени Его; *во вратѣхъ дщере Сіони*, то есть, во множествѣ вѣрныхъ, дабы научить ихъ, коль вредно и бесполезно прилѣпиться къ временнымъ благамъ, и напротивъ, коль благо прилѣпиться къ Богу, и полагать во Господѣ упованіе наше.

По книге: ТОЛКОВАНИЕ НА ПСАЛТИРЬ, по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тщаніемъ и трудами Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена, покойнаго Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго и Кавалера, ИРИНЕЯ. Изданіе девятое. Часть первая. МОСКВА. Синодальная Типографія. 1903 г.
1.00.12